

ДЕЛО № 32

«Путевые заметки» и дальнейшая судьба литератора Глеба Алексеева

Историк при работе в архивах всегда должен быть готов к сюрпризам. Сколько бы ни было собрано документов по теме, всегда может оказаться, что обнаружится документ, ставящий под сомнение окончательность тех выводов, к которым пришел в процессе долгой работы. Занимаясь уже около четверти века изучением истории Российского Зарубежья, я был склонен считать, что россияне, вырвавшиеся из-под тирании Совдепии в 1920-е годы, попали, чуть ли не в идеальные условия «демократических стран». После тяжелых испытаний в период гражданской войны в России и на фоне тягот на территории победившей «диктатуры пролетариата» их невзгоды беженской жизни отступили. Во всяком случае, им не угрожал массовый голод, который охватил Поволжье и Украину, их не лишили свободы передвижения, они могли вольно высказывать свои взгляды, а главное, они не подверглись «красному террору». Безусловно, каждая человеческая судьба уникальна. Мы знаем немало примеров вольготного существования отдельных индивидов, особенно из числа знаменитостей, как в Советской России, так и в «белой эмиграции». В опубликованных и неопубликованных документах личного происхождения приводятся рассказы о перипетиях жизни достаточно известных людей, их личные размышления о происходящих событиях. Но некоторые документы поражают своей отстраненностью от личностного восприятия, попыткой через призму индивидуального созна-

ния дать оценку явления в целом. Чаще всего создателями подобных документов являются представители русской интеллигенции, пытающиеся, порой помимо своей воли, объективно оценить сложившуюся ситуацию и предложить наиболее рациональный путь дальнейшего развития. Таким документом мне представляется одна из папок в Коллекции С.Н. Палеолога Гуверского архива Стенфордского университета (**Paleologue S.N. Box 18**). Коллекция довольно большая (36 боксов), но не очень интересная. В основном идут однотипные канцелярские документы: официальные бумаги, бухгалтерские отчеты, переписка по поводу положения русских беженцев. Это естественно, ибо С.Н. Палеолог в 1920-е годы занимал должность Правительственного Уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии). В воспоминаниях С.Н. Палеолога содержится информация о том, что его деятельность на данном посту вызывала резко негативную реакцию со стороны общественности разных политических взглядов своим крайним консерватизмом и чрезмерным бюрократизмом: *«Очевидно, благодаря тому, что в эмиграции я стоял около беженской власти, – писал Палеолог, – наша левая пресса за рубежом и большевистская в СССР всегда оказывала мне и моей деятельности нарочитое внимание. Это обстоятельство дало мне возможность до некоторой степени познать самого себя... По сообщению этих газет оказывается, что за последние 8 лет я 14 раз был уволен от должности, которую занимаю и теперь; 9 раз производились строжайшие расследования о моих злоупотреблениях по службе; 7 раз были обнаружены крупные растраты и хищения доверенных мне казенных денег; 5 раз ожидалось скандальные судебные процессы с разоблачением всей моей вредной работы в эмиграции. Несколько раз появлялись в газетах большие статьи с сенсационным заголовком: «Конец Палеолога», в коих категорически заяв-*

лялось, что в ближайшие дни, в связи с обнаруженными моими преступными деяниями, я буду выслан из пределов гостеприимного Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев...»¹. Подобная характеристика деятельности С.Н. Палеолога позволяет представить этого чиновника и ту безупречную бюрократическую тщательность в его делопроизводстве.

И вдруг среди этой горы канцелярских банальностей обнаруживается папка с выбивающимся из привычного ряда названием: «**Дело № 32. Отчеты. Часть II-ая. Путевые заметки литератора Глеба Алексеева**². 22 листа». Особых комментариев к тексту на первый взгляд не требуется, ибо автор сам рассказывает о происхождении документов, их характере. По договоренности и при финансовой поддержке С.Н. Палеолога, его заместителя (или как тогда говорили «товарища») С.Н. Смирнова с 20 октября по 14 ноября 1920 года писатель Глеб Васильевич Алексеев совершил поездку по большинству русских колоний в Югославии (Белград, Нови Сад, Сомбор, Осек, Загреб, Сараево, Дубровник) «с целью ознакомления с положением и бытом русских колоний на местах». Банальная инспекторская поездка могла породить сухую канцелярскую отчетность. Однако по документам видно, что писатель, даже выполняя казенное задание, подошел к нему творчески. И дело не в том, что письменные отчеты сочетают в себе «лирические отступления» о природе, об облике югославских городов, а в том, что писатель побеждает в этих документах канцеляриста. При всем деловом характере поездки на первое место выходят русские беженцы с их страстями и нуждами. Писателя волнуют настроения, царящие в русских колониях, интересует их тяжелый быт на чужбине. Например, он отмечает, что «русские,

¹ Палеолог С.Н. *Около власти: очерк пережитого*. Белград, 1929. с. 192–193.

как везде, живут не особенно дружно», обращает внимание на то, что «взаимоотношения между ними самые отвратительные». Причинами данного положения Г.В. Алексеев считал «беженскую беспомощность», «стадную психологию», «индивидуализм» и «неприспособленность» эмигрантов.

При этом Глеб Алексеев не скрывает своих патриотических настроений. Он пишет о превосходстве русской культуры над культурой Запада, проникающей в Югославию: «...они, югословенцы, не могут не чувствовать все величие и превосходство русской культуры перед теми формами внешней, надуманной культуры Запада, нанесенной сюда ветрами из Германии и Венгрии». И после этого в официальном отчете следует патетическая риторика: «И не в этом ли причины отчужденности местной интеллигенции, так как даже ободранные, придушенные и изнемогающие в неравной политической борьбе с красным зверем, мы духовно все же сильнее и больше их?». Однако, поняв, что сбился с сухого стиля казенного рапорта, тут же добавляет: «Впрочем, простите за эту отвлеченность».

Хочется обратить внимание читателей на то, что в имеющейся обширной литературе жизнь русской эмиграции в КСХС обычно рисуется в радужных тонах (нет отчуждения от родственного по религии и славянским корням населения, налажена научная жизнь, работают университеты для беженцев, легко найти работу), особенно на фоне положения русской диаспоры в Польше и Финляндии. Так, на Русском педагогическом съезде в Праге в апреле 1923 года Королевство СХС было названо «государством, щедро идущим навстречу русской эмиграции.... Уже в первый год пребывания

² Алексеев Глеб Васильевич (1892 – 1938) – русский писатель. В начале 1920-х годов жил в эмиграции. В 1923 году вернулся в СССР. В рассказах (сборник «Живая тупь», 1922), повести «Мертвый бег» (1923) отражено осмысление страшного опыта русских революций и Гражданской войны.

ния русских беженцев, то есть к 1 марта 1921 года, оно отпускало на дело русского образования 500000 динар, а к 1 марта 1923 года бюджет на это дело возрос до 2,5 миллионов динар»³. Наверное, в тех условиях это была одна из самых гостеприимных стран для «белой эмиграции», хотя чрезвычайные обстоятельства беженского существования создавали немало проблем для руководства и рядовых жителей этой страны. Возможно, поэтому русским беженцам запрещалось изменение места жительства, даже в пределах крупных населенных пунктов.

Белград был вторым по численности центром русской эмиграции после Парижа. В Югославии были сосредоточены главным образом эмигранты из военного и служилого сословий. Такой состав эмиграции, конечно, наложил отпечаток на характер ее политической мысли и деятельности. Хотя в Белграде не было центров русских политических организаций, тем не менее, вся эмигрантская масса, соединившаяся в многочисленные общества, профессиональные союзы и организации взаимопомощи, по своему политическому настроению была весьма однообразна и могла быть подведена к программам националистов и октябристов дореволюционной России. В одном из интервью С.Н. Палеолог предложил *«провести существенное разграничение между двумя беженскими волнами, которые разбросали за границу остатки антибольшевистской России. Первая относится к 1917 году. Она вынесла за границу сторонников Керенского и добольшевистской революции, которые получили возможность спасти свою ставку, и поселились в гостиницах Парижа и Ниццы, где не перестают «делать большую политику», обеспеченные от нищеты и несчастий. Вторая состоялась в 1920 году. Она привела в Югославию людей, у которых не оставалось ниче-*

³ Русь (София), 18 апреля 1923 г. № 77.

го другого, кроме той одежды, которую они носили на себе, и к которым вскоре присоединились беженцы из Крыма, еще более несчастные: эти испили чашу до дна»⁴. Эмигрантская масса, за небольшим исключением, была настроена монархически и относилась негативно к соглашательской работе русских политических организаций Парижа и других центров Российского Зарубежья⁵. Данные политические настроения всячески поддерживало руководство большинства эмигрантских организаций, вплоть до оказания материального воздействия на беженцев.

А материальное положение русских эмигрантов было чрезвычайно тяжелым. В своих письмах-отчетах Г.В. Алексеев неоднократно пишет о трудностях беженской жизни. Почти все русские в Югославии, ибо «*устроиться удалось только специалистам*», были поставлены в финансовую зависимость от так называемых «разменов». Суть их состояла в обмене различных русских денег (начиная от царских и заканчивая казначейскими билетами всевозможных временных режимов на территории бывшей Российской империи) на югославские динары. Так как послевоенная экономика самого молодого Королевства испытывала серьезные трудности, то было решено, что обмен будет производиться не одновременно, а по спискам беженских организаций постепенно, в размере 400 динар на человека в месяц. Этим Югославия «...дала возможность русским беженцам не только сводить концы с концами, но и пустить глубокие корни»⁶. В одном из писем-отчетов Г.В. Алексеев упоминает: «*летом я, например, из размена ухитрился сшить себе брюки*». Как и всегда в подобных случаях, бюрократическая регламентация денежных вопросов привела к массе злоупотреблений. В до-

⁴ *Journal des Débats*. 19 Mars 1921. # 77.

⁵ *Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University: Fon-Lampe, A.A. Box 10*. Русская эмиграция за границей и ее политическая деятельность.

кументах Палеолога содержится немало удручающей переписки по этому поводу, показывающей всевозможные «хитрости», на которые шли многие авантюристы из числа русских беженцев для улучшения материального положения. Так, русский консул в Дубровнике собрал списки для обмена, состоящие из «мертвых душ», а затем с полученными обманным путем деньгами скрылся. Один из действительных статских советников-эмигрантов через подставных лиц смог получить обмен дважды на свою семью, выдав во второй раз ее за семью своего брата, пропавшего в годы гражданской войны. Подобные явления Г.В. Алексеев называет «уродствами беженской жизни».

24 октября 1920 г.

Сомбор

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Позвольте поделиться с Вами впечатлениями из Самбора, первого большого города моего маршрута и последнего в Воеводине. Вообще о Воеводине и ее городах я напишу Вам из Осека или Загреба, куда сейчас лежит мой путь.

Самбор – кудрявый город-сад. Каждая улица в нем – аллея старого парка, а парки – рожи. Можно сказать, весь город спрятан под зонтами и шапками буков, грабов и каштанов, и летом в нем, видимо, было прекрасно жить. Содержится город (в нем до 30.000 домов) вполне чисто и культурно: есть гимназии, двух-трехэтажные здания не редкость, два кино, два великолепных на европейскую ногу отеля «Свобода» и «Элефант» (комната от 30 крон), при «Свободе» – зал для концертов. В ней же можно иметь

⁶ Общее дело. 1921, 6 марта. №234.

обед и ужин за 600 крон ежемесячно. Пансион, впрочем, можно иметь и дешевле, в менее комфортабельных ресторанах и столовых. Цена на комнату в городе – от 200 крон без дров и электрического освещения, за что особая плата. Одиноким предпочтительнее, искать комнату, имея детей, занятие не завидное здесь. К тому же за последние два месяца квартирный вопрос в Сомборе обострился необычайно, вследствие того, что в Сомборе учреждается почт-дирекция, и по городу спешно реквизируют до 200 комнат для семейств приезжающих почтовых чиновников. В качестве иллюстрации: одна русская семья, приехавшая около месяца назад, получила комнату только теперь. Многие русские, не связанные с Самбором службой, предпочитают жить в его окрестностях, причем популярностью пользуется Апатин в 11 км от Самбора по железной дороге, жизнь в предместьях Самбора вообще значительно дешевле, чем в городе, хотя и в нем самом на 400 динаров одному прожить можно.

Русских в Сомборе – 85 человек и, конечно, взаимоотношения между ними самые отвратительные: колония в 85 человек разделилась на 4 остро враждующих лагеря с некоторой тенденцией втащить в свою распрю и местное население, особенно начальство. Председательницей комитета состоит г-жа М.В. Остелецкая, избранная месяца три назад при составе колонии в 30 человек; сейчас колония утроилась, а перевыборы произведены не были, т.к. этому противится старый комитет. Яблоком раздора (я привожу это как характерную иллюстрацию беженской жизни) является так называемый «свинский вопрос», в котором какие-то свиньи, добытые благотворительным путем для русских беженцев и от имени колонии русских беженцев надлежало быть разделенными по частям, но разделены не были и откармливаются впрямь в комитете. Волнует беженцев Самбора и вопрос о благотворительной столовой, для которой м-м Остелецкая пред-

полагает предпринять две совершенно недопустимые, на мой взгляд, вещи: 1) произвести бесплатный сбор продуктов для столовой в окрестных деревнях и 2) открыть в этой же самой столовой лото. Два почтенных начинания эти совершенно противоречат друг другу в своей сущности – это раз. А во-вторых, браться за увеселительные учреждения вроде лото, как это сделали в Н[ови] Саду и собираются сделать в Сомборе – нам, русским, при преобладающем отношении к нам на местах: враждебно сдержанном, особенно со стороны сербского населения – значит только ухудшить и без того не блестящие отношения.

Жизнь русских в Сомборе течет ото дня ко дню. Многие, однако (до 1- человек, а это процент большой) устроились на местах и имеют в среднем 300-400 динар подсобного заработка. Но устроиться удалось только специалистам: техникам, чертежникам, лицам, умеющим писать по-сербски на машинке и т.д. Одна группа открыла молочную торговлю и зарабатывает недурно.

Поражает полная неосведомленность о мероприятиях центра, отсутствие всякой связи с ним. То же самое я наблюдаю во всех колониях – за 90-100 км от Белграда. В Сомборе, например, до сих пор не налажено правильное получение сведений от военного агента и его представителя в Субботице ген. Дабовского. О мероприятиях Кр[асного] Кр[еста] и В.[сероссийского]З.[емского]С.[оюза] не знают ничего. А распоряжения и информация Правительственного Уполномоченного приходят или с большим запозданием или не приходят вовсе. О мероприятиях Белграда в Сомборе знают только по... газете. В будущем Белграду, видимо, самому придется искать способы связи с колониями. Мало того, я считаю, что при наличии вулканически враждебных настроения в колониях Белграду самому

надлежит иметь руководство их внутренней жизнью и властью вмешиваться в нужный момент. Для этой цели, быть может, лучше всего послужили поездки лиц от вашего имени, снабженных определенными полномочиями.

В частности для умиротворения сомборских настроений, быть может, Вы, Сергей Николаевич, найдете возможным указать из центра на необходимость выборов нового комитета, т.к. число беженцев сейчас утроилось.

Что касается возможности размещения в Сомборе новых партий беженцев – положение вещей мало утешительное. Я думаю, что человек до 100 (семей 50 – 60) и могло бы еще разместиться, но не более. И то при условии, если Вы снабдите партию беженцев, отправляющихся в Самбор, ходатайством от своего имени к Великому Жупану. Т.к. даже в этом отношении местный комитет совершенно бессилён.

Сегодня я уезжаю в Осек, где пробуду дня два, затем Загреб, Любляны и курорты по Блэдскому и Вербскому озеру, сейчас опустевшие и, на мой взгляд, вполне пригодные для расселения беженцев большими партиями. Если Вы найдете нужным дать мне какие-либо инструкции или распоряжения – телеграфный адрес: Любляны, русски одбор.

Искренне уважающий Вас и готовый к услугам

Глеб Алексеев.

Позвольте еще раз, многоуважаемый Сергей Николаевич, принести Вам благодарность за то любезное содействие моей поездке, которое Вы оказали, поддержав меня деньгами и хорошим расположением.

№ 2

26 октября 1920 г.

Осек

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Сегодня я в Осеке и спешу оповестить Вас о своих впечатлениях. Очень прошу извинить меня за карандаш, но писать приходится в гостиницах, своим благоустройством мало отличающихся от Ваших.

Осек большой город и фабричный, а, пожалуй, и коммерческо-спекулятивный центр, заполненный своими беженцами: богатыми галлицийскими евреями, бежавшими из Галиции еще в 1915 году под ударами наших войск и прочно осевшими здесь, и сербами – беженцами из областей, занятых д'Аннунцио⁷ и, видимо, также людьми самостоятельными. Город делится на две части – «горный город», застроенный двух-трехэтажными домами, внешне весьма благоустроенный с кафе, кино и опереткой и четырехэтажными архитектурно-вычурными отелями, и «дойный города», т.е. долинный в 4 километрах от «горного», соединенный с последним трамваем-конкой. Последний напоминает наши предместья, в которых сначала наставили домов как кому удобно было, а потом уже сами собой обозначились улицы. В нем то и живет почти вся наша русская колония. Жизнь здесь по беженскому бюджету (в 400 динар) очень дорогая. Так комнату в долинном Осеке иметь дешевле 500 крон (без освещения и отопления) невозможно и то: одиноких пускают, семейных – неохотно, с детьми – абсолютно нет. Особенно обостряется квартирный вопрос сейчас, когда в

⁷ Д'Аннунцио, Гаабриеле (1863 – 1938) – итальянский писатель и политический деятель. Пропагандист итальянского империализма. После Первой мировой войны стал одним из лидеров националистического движения, связанного с фашистскими организациями. В сентябре 1919 года возглавил националистическую экспедицию, захватившую югославский город Риека, был его комендантом до декабря 1920 года, когда по требованию Антанты итальянское правительство предложило д'Аннунцио оставить город.

многочисленные школы Осека начали съезжаться на зиму из окрестностей учащаяся молодежь.

Необычайно дорого, сравнительно с ценами Воеводины, и прокормиться. В среднем обед в ресторане или семье (один обед из 3-х блюд с хлебом) оценивается в месяц 600 – 700 крон. Но значительно дешевле белградских цен мануфактура. Видимо, чем дальше на запад, тем дороже хлеб и пищевые продукты, но дешевле мануфактура и обувь. Так метр неплотного сукна 300-320 крон – цена для Белграда невозможная.

Русские, как везде, живут не особенно дружно, однако размен и отдаленность от Белграда заставляют их держаться более или менее вместе. Одна группа инженера Окулова⁸, приехавшая недавно из Египта, около 20 человек – занимает большое здание в Самотовцах, близ Осека, и устроилась сравнительно недурно. Некоторые служат в торговых учреждениях за плату 30 – 40 крон в день за вычетом праздников. Но большинство (в Осеке около 40 человек), по выражению одного из членов комитета, «отвыкло и не хочет работать». Председателем местного комитета состоит протоирей Лазарь Богданович, серб, очень уважаемое лицо в городе, типичный старенький русский сердобольный батюшка, пекущийся по мере своих сил о нуждах и горестях беженцев. Многим он лично отыскал квартиры, многих пристроил на службу, помогает, чем может.

Зная, как Вас интересует сейчас возможность размещения вновь прибывших беженцев, я навел в этом отношении надлежащие справки и подтолкнул от Вашего имени местный комитет к практическим действи-

⁸ Наверное автор письма ошибается, и речь идёт об Акулове Борисе Филипповиче (? – 9 мая 1969, Аргентина), эмигрировавшем первоначально в Египет, позже переехавшим в Югославию, где закончил медицинский факультет и зубоучебный курс в Белграде. После Второй мировой войны бежал от режима Тито в Италию, но по требованию советских властей был выдан в СССР, где находился в тюремном за-

ям. В результате предпринятых мною совместно с комитетом нажимов разъяснилось, что в Осеке, главным образом в его окрестностях, можно разместить до 300 (трехсот!) человек. В местечке Бизовац имеется большой дом на 26 жилых комнат (жилых, но без обстановки), принадлежащий графу Норману и занимавшийся прежде администрацией его имения. Кроме того, в 15 минутах езды от Осека в м. Петриевоцы имеется принадлежащий тому же графу «охотничий домик» на 42 комнаты, также жилой, но без обстановки. Оба этих здания граф Норман хотел снести, но местные власти в лице Великого Жупана воспретила ему это сделать в виду их пригодности к жилью. Далее: в м. Даль, минут двадцать езды от Осека на Винковцы, имеется церковный дом, комнат на 12-13 (точно не знаю), также вполне жилой и годный к зимовке. Все эти три здания могут отойти под русских, если Вы найдете это нужным и лично не откажете обратиться с ходатайством к Великому Жупану г. Осека к протоиерею Л. Богдановичу с просьбой похлопотать об этом здесь на месте. Что касается оборудования этих зданий, то необходимый лес для построек столов и кроватей можно достать на месте, как это и сделала группа инж[енера] Окулова, осевшая в Самоцях.

Размещение беженцев на «вольных» квартирах в самом Осеке крайне затруднительно. Но в его окрестностях вполне возможно. Местные старожилы, рекомендуют Вальпово, Белеце, Петриовцы, Сорваши, Даль, Нашиц – все это чистенькие хорватские полу города полу села с пиацами-базарами, асфальтом, кафейнами и кино. Во всех этих местечках летом жили беженцы, но к зиме все понемногу начинают просачиваться в Осек, в город. Так из Нашица, где жило около 10 человек – 7 уехало в город, из Даля

ключении более года, после чего выехал в Аргентину. Здесь был директором двух больниц в провинции

выехало 13 из 15. Но эти люди уже отдохнули на лонах. «Израильтяне» нуждаются, пожалуй, еще и в отдыхе после «египетского» отдыха. Местный комитет вышлет Вам в ближайшее время после детального обследования все данные, необходимые для сведения русских, пожелавших направиться в Осек и его окрестности.

Искренне уважающий Вас и готовый к услугам

Глеб Алексеев

№ 3

29 октября 1920 г.

Загреб

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Очередной пункт моей поездки – Загреб, и я спешу поделиться с Вами своими впечатлениями. О, это, конечно, самый культурный и самый большой (до 180,000 жителей) город Югославии. И это первый город на моем пути, в котором нет «Русского вопроса», т.к. русские в нем (около 180 человек) растворились, потому приспособились и забыты. Более или менее. Правда, по словам П. Боярского, местная печать, в силу своих внутренне-политических соображений, коммунистическая, занималась одно время подтравливанием «ничего не делающих» русских, но сейчас в значительной мере успокоилась. Объясняется это, главным образом, тем совершенно правильным в своем принципе тоном, который был взят проживающими здесь русскими с самого начала и сущность которого: мы не из милости у вас живем, а по необходимости». Это сознание собственного достоинства привлекло симпатии к местным русским в значительно большей степени, чем демонстрация жалостливого своего положения и попытки вызвать

Сальга.

сочувствие к несчастным «сиротам», практикующееся в других колониях. Характерна в этом отношении фраза, сказанная 2-й Терезией Энько из Люблян: «если бы до войны каждый из тех, кого Вы видите сейчас в положении русских бегунов, приехал к Вам, вы бы встречали его колокольным звоном».

Вот вам результаты большой политической работы, проделанной здесь. Скажу вам больше, Сергей Николаевич, здесь в Загребе я в первый раз почувствовал себя вне сферы жалостливого сострадания причудливо перемешанного с затаенной враждой, в которой (сфере) чувствовал себя четыре месяца. Объясняется эта вражда, конечно, многими причинами: и политическими (сильная Россия будущего и Югославия?) и экономическими («размен русским порождает монополии») и др. Но было бы не справедливо из длинного ряда причин выбросить еще одну, в которой, однако – спешу оговориться: на мой личный взгляд, и зарыта собака; они, югословенцы, не могут не чувствовать все величие и превосходств русской культуры перед теми формами внешней, надуманной культуры Запада, нанесенной сюда ветрами из Германии и Венгрии. Не потому ли многие мечтают уехать в Россию, а молодые люди стремятся сблизиться и вступить в браки с русскими «девейками», духовное содержание которых не исчерпывается тремя понятиями: «радить, ручать и спавать», как у типичной югословенской женщины? И не в этом ли причины отчужденности местной интеллигенции, т[ак] к[ак] даже ободранные, принужденные и изнемогавшие в неравной политической борьбе с красным зверем, мы духовно все же сильнее и больше их? Впрочем, простите за эту отвлеченность.

В отношении к себе русские в Загребе различают сербов и хорватов. По их словам, сербское население относится к ним весьма предупредительно и особенно начальство. Командующий 4-ой армией ген. Васич, устраи-

вая у себя вторники и четверги, считает своим долгом приглашать русских. Местные дамы благотворительницы Злата Коважевич (хорватка) и Елена Чук (сербка) делают все, что в их силах. Местный военный комендант помогает русским в отыскании квартиры. Позволю себе привести один случай, достаточно характеризующий взаимоотношения местных благотворителей и русских. Недавно в Загребе появился откуда-то пятнадцатилетний казачок, нагой, голодный и босый. Попал он к дамам-благотворительницам, и они его накормили, одели и дали денег на дорогу. Выехав куда-то в другой город, казачок отыскал своего земляка, и тот дал ему денег и приютил у себя. Тогда казачок вернулся обратно в Загреб и возвратил все данное ему: одежду и деньги дамам-благотворительницам со словами: «Теперь я одет и сыт. Дайте все это другому – кто будет нуждаться». Дамы были поражены. Конечно, такой случай, быть может, был и единичен, но он достаточно характерен как эпизод взаимоотношений русских и местного населения: не сам же пятнадцатилетний казачок додумался до такого рыцарского благородства.

Отношение со стороны хорватов – хуже. Они не знают русских и в низах, модно-коммунистических, не сочувствуют не только как иностранцам, но еще и как контрреволюционерам. В этом отношении темную заслугу оказывают нам гг. социалисты из Праги, и в том числе А. Керенский⁹,

⁹ **Керенский Александр Фёдорович (1881 – 1970)** – российский политический деятель. Из семьи директора мужской гимназии и средней школы для девочек города Симбирска. Закончил юридический факультет Петербургского университета, вступил в Петербургскую коллегия адвокатов, выступал защитником на многих политических процессах, в том числе на процессе большевистской фракции IV Государственной Думы. С 1912 года один из руководителей российского масонства. Депутат IV Государственной Думы от трудовиков. Один из главных организаторов Февральской революции, член Временного Комитета Государственной Думы и товарищ председателя исполкома Петроградского Совета. 2 марта 1917 года стал министром юстиции Временного правительства, выступал против конституционной монархии. С 5 мая 1917 года – военный и морской министр, с 8 июля – совмещал этот пост с постом министра-председателя Временного правительства. После Октябрьской революции пытался с помощью военной силы перехватить власть у большевиков. Несколько раз нелегально был в Петрограде и Москве с целью установления контактов с антибольшевистским подпольем. В июне 1918 года выехал за границу. В 1922 – 1933 годах изда-

поместивший дня два назад интервью в местной газете «Речь», в котором он нас, беженцев в Югославии, крестит заядлыми контрреволюционерами. Местное общественное мнение делает печать, и потому интервью Керенского тотчас же видимо отозвалось на отношениях к русским беженцам: «Вот видите, что говорит о вас Керенский...».

Как живут русские в Загребе? Многие поустраивались на службу, инженеры все устроились на жел[езной] дороге, один врач – в воен[ном] штабе, один – играет на скрипке в частном театре, барышни служат в частных фирмах и банках. Но большинство живет на размене плюс продажа вещей, т.к. на один размен в Загребе прожить абсолютно невозможно. Комната не менее 100 крон, а с кухней от 1500 кр., т.е. еще дороже, чем в Белграде. Обед в ресторанах в средние крон 25-30, ужин крон 15, т.е. 10-12 динаров на человека в день. Но самое главное квартирный вопрос. Он неразрешим. Власти с самого начала предупредили, что город переполнен и въезд в него иностранцам, в том числе и русским, воспрещен. Предполагается даже разгрузка города от элементов, не связанных с ним. Для приезжающих сюда по делам существует особое квартирное бюро, где максимум на 3 дня отводится кровать в частном доме за 25 – 30 крон в ночь. Но далее вас предоставляют самим себе на улице. И все-таки колония русских растет с каждым днем...

[...]Искренне уважающий Вас и готовый к услугам

Глеб Алексеев

№ 4

2 ноября 1920 г.

вал ежедневную газету «Дни», в 1933 – 1936 годах – еженедельник «Свобода». В годы Великой Отечественной войны призывал к поддержке борьбы Красной Армии против нацистской Германии. После войны

Сараево

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Вот уже четвертый день я в Сараеве, сегодня уезжаю в Мостарь и Дубровник и спешу поделиться с Вами своими впечатлениями о столице Боснии. Весь город в горах и на горах и оттого температура в нем, сейчас, например – 4 – 5° выше нуля, т.е. то, что и в Белграде. Мороз, мороз, подирающий по коже. Но внешне город очень красив, напоминает Константинополь узкими улицами, мечетями, чадрами женщин... Жизнь дорога. На четыреста динаров можно прожить только, отказывая себе даже в таких потребностях, как курению табаку или бритье через день. Председатель комитета генерал-лейтенант Вахрушев¹⁰ ... делит папиросу на ... четыре части. Из этого я заключаю, что жизнь в Сараево действительно дорога: мы на севере Югославии делили папиросу только на две части.

Вот, по словам членов комитета, приблизительная смета на одного беженца в Сараево: комната 100 динаров, на отопление и освещение – 60 дин., один обед в кофейне третьего разряда 18 дин. (6 дин в день), ужин и завтрак: хлеб 45 дин в месяц 1 ½ на день), сахар 34 дин. в месяц (сахар из интендантства в Сараеве не получают) и прачка 25-30 динаров. Итого 450 динаров без табака и парикмахера, без бани и без возможности что-либо себе сшить и починить хотя бы сапоги. К зиме стоимость жизни по всей вообще Югославии удвоилась, поднялись и цены на квартиры, и хлеб вздорожал, и дрова – и, я думаю, скоро раздадутся вопли русских, т.к. действительно во многих уже местах прожить на размене абсолютно невоз-

был одним из лидеров «Лиги борьбы за Народную Свободу», редактировал печатный орган этой организации «Грядущая Россия», занимался литературным творчеством, оставил мемуары.

¹⁰ **Вахрушев Михаил Николаевич (5 марта 1865, Москва – 27 ноября 1934, Югославия)** – генерал-лейтенант, участник Белого движения на Юге России, в 1920 г. эмигрировал в Югослаию. Организатор и

можно. Это только тот минимум, на который человек не умрет с голоду – спешу оговориться, теперь зимой: летом я, например, из размена ухитрился сшить себе брюки.

Русских в Сараево около 300 человек, без учащихся в Корпусе, но считая педагогический персонал. Почти все без исключения мужчины служат. Месяц назад по заявлению секретаря колонии «в Сараево не было ни одного служащего мужчины». Объясняется это вот какими причинами: во времена владычества Австрии главный контингент служащего класса составляли немцы, поляки и чехи, все они с присоединением Боснии к Югославии, уехали. Русские, подъезжавшие в Югославию и с моря, со стороны Дубровника, будучи на севере, оседали в первом большом городе, каким и был Сараево. Таким образом, спрос на служилых людей в первую очередь и был удовлетворен русскими. Говорят, достаточно было в свое время показать аттестат об окончании высшего учебного заведения, чтобы в тот же день получить место. Так 15 русских юристов устроились в местный суд на 400-600 динаров, все инженеры (до 10 чел) получили места по изысканию новой ширококолейной линии железной дороги (800-1500 дин.), в железнодорожных мастерских работает 6 человек, в центр[альном] управлении жел[езной] дороги 4 человека, в частных банках – 2, служат и по лесному ведомству, по военному, в интендантуре (3 человека), в магистрате, по учебному ведомству. Между прочим, и сейчас здесь есть большая потребность в людях, знающих французский язык. Так, недавно, например, требовалось четыре преподавателя французского языка и один русского, недавно же было до... 30 вакантных мест в ведомстве юстиции. Надо, однако, ска-

почётный председатель Сарайского общества офицеров, Председатель русской колонии в Сараево. Похоронен на русском кладбище в Белграде.

зять, что теперь найти себе место стало много труднее, т.к. сюда из центральной Сербии на новые хорошие места устремились сербы.

Сараевский комитет, или как он называется «Правление русско-басанского общества», пожалуй, самый старый из всех русских комитетов в Югославии и построен довольно рационально: по предметной системе, т.е. каждая отдельная нужда беженца обслуживается отдельным лицом, членом комитета, на котором и лежит ответственность за своевременное удовлетворение. У одного, скажем, лица находится в ведении бюро труда, у другого подыскание квартир, у третьего получение продуктов, у четвертого касса взаимопомощи и т.д. С местным населением сараевцы в самой тесной связи, и теперь не знают, как выйти из их положения, в которое они попали, назвав свою колонию «русско-басанским обществом». С одной стороны, подчиняясь общему порядку, они должны именоваться русской колонией в Сараево, с другой, как поступить в этом случае с теми местными жителями – благотворителям, которые оказали много добра русским и до сих пор входили в состав правления как члены его? Так до сих пор председателем правления был серб Радулович. Сейчас под влиянием военных традиций и вышесказанных соображений избран ген[ера]л. Вахрушев, но правление, вероятно, обратится к Вам с ходатайством и об оставлении за «русской колонией в Сараево» еще и старого ее наименования.

Прекрасно, между прочим, налажен культурно-просветительный отдел, заведует которым Н.М. Езерский¹¹. Во-первых, отрывается дет-

¹¹ Речь, по-видимому, идёт о Николае Федоровиче Езерском (12 декабря 1970, Дрезден – ?), известном российском политическом деятеле. В начале Гражданской войны вступил в Добровольческую армию, после поражения Белых сил на Юге России эмигрировал в Сербию. Дальнейшая судьба неизвестна.

ский сад под ведением 2-жи Раевской¹² – сад насчитывает уже около 30 человек, во-вторых – гимназия, куда уже принято около 15 человек, главным образом, девочек. Преподавательский персонал вследствие нахождения здесь и корпуса – имеется в достаточном размере.

Что касается дальнейшего размещения здесь русских, оно, конечно, очень затруднительно. Но Комитет стоит на той точке зрения, что не позволить посулиться здесь родителям, дети которых поступят в учебные заведения, бесчеловечно. Наконец, можно жить и не в самом Сараево. В его окрестностях имеется много курортов, напр., Эмедже, Гэлиджэ). Сейчас он абсолютно пустой, имеется много гостиниц, и мог бы быть реквизирован на зимнее время под русских, если бы Вы нашли это возможным. Все сведения по этому поводу мог бы дать вам комитет.

[...]Искренно уважающий Вас и готовый к услугам

Глеб Алексеев

№ 5.

7 ноября 1920 г.

Дубровник

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Пожалуй, самые безотрадные впечатления я вынес из самого отрадного местечка во всей Югославии – из Рагузы: именно здесь под всплесками шаловливого ветерка, качающего кипарисы и агавы над гладью моря, влажной теплотой плещущего в желтые уступы скал, в сады цветущих роз – наша беженская беспомощность и стадная психология насильно сколоченных в одно массу явила себя наиболее рельефно. Нечего и говорить, что для легочных больных, для людей замотанных бесконечными эвакуа-

¹² Раевская Наталья Александровна (? – 31 августа 1941, Рагуза, Югославия) – общественная дея-

циями, для обнаженных нервов здесь природа дала все: влажный покой моря, смолистую крепость сосен, целебные лучи солнца. Но как мы, русские беженцы, использовали их? Вот что грустно и гнусно. На ваш запрос, можно ли поместить в Дубровнике какое-либо количество из числа прибывающих по английской эвакуации, местный комитет ответил, что это будет крайне затруднительно. И он был по-своему прав. Я же позволю себе категорически утвердить, что в Далмации по берегу моря от Катарро до Церквеницы можно разместить без вреда для интереса Югославии еще до тысячи человек. И еще быть при этом желанными гостями. И с местным населением не создавать никаких конфликтов. Словом, без «русского вопроса».

[...]По всему Далматинскому побережью, города и курорты которого связаны между собой пароходным сообщением, имеется только один город населенный (и густо) русскими. Это Дубровник. Объясняется это, главным образом, тем, что в Далмации, как впрочем, в Боснии и Герцеговине, нет... твердой власти. В наше время крушения общественности и разочарования в творческих силах коллектива, было [бы] ошибочно оставить Боснию, Герцеговину и Далмацию без власти нашего помощника на эти области, как это было сделано в Кроации, в Старой Сербии и в Воеводине. Чувствуя за собой лицо, ответственное за своевременное удовлетворение их нужд, беженцы в Воеводине, например, рисковали удаляться даже в глубь от населенных центров и прекрасно устраивались там, арендуя поля, усадьбы, огороды...В определенное число они отправлялись в центр данной местности. Как мы, например, из Старого Бечея, в Новый Сад. И получали там размен от определенного лица, известного заранее и ответственного.

Всякий же комитет есть дело временное. Элемент доверия к нему по большей части отсутствует, и это совсем не оттого происходит, что в комитеты попадает случайный состав, даже, напротив, в большинстве в комитетах люди с положением в прошлом – достаточная гарантия доверию к ним, нет... Именно вот это общее наше недоверие ко всякой коллегиальности, разочарование в творческих силах всякого коллектива, смутное подсознание, что будущее, наше русское, принадлежит отдельным людям, индивидам с развитой волей – главная тому причина. Вот этот-то именно элемент недоверия и заставляет беженцев слиться вкуче, поближе друг к другу. Таскаться каждый день в комитет с ежедневно одним и тем же вопросом: «А списки отправили? А продукты получили?» и торжествовать, когда какой-нибудь обалдевший от цифр секретарь просчитает крону. Комитет, зачастую, – слово бранное по нашему теперешнему психологическому состоянию. Слово Правление подошло бы нам более. Я говорю это потому, Сергей Николаевич, что считаю необходимым выделение Далмации, Боснии и Герцеговины в особую область, как это сделано с Северо-Западом (Загреб – П.М. Боярский) и Севером (Новый Сад С.С. Усов¹³) и назначение в эту область Вашего Помощника. Вероятно, это значительно облегчило бы и вам работу, т.к. более мелкие вопросы, которыми сейчас заваливается Управление с мест, решались бы здесь.

Необходимо это также и по другим соображениям. Дубровник – пункт, куда беженцы прибывают не только по железной дороге, но и с моря. И с моря, пожалуй, главным образом. Попадая в первый город на суше, усталые после длительного морского путешествия они оседают на день-два «отдохнуть», заживаются и остаются. Так, например, случилось с

¹³ Усов Сергей Сергеевич (1872, Москва – 1943, Нови Сад, Югославия) – дворянин, служащий.

моряками, прибывшими из Владивостока. Вот этот здоровый двадцатилетний народ, не нуждающийся ни в каких климатических улучшениях, выйдя с парохода осмотреться и исключительно благодаря своевременно принятым мерам в смысле отправки их в другие места Сербии, осел здесь, осложняя и без того острый квартирный вопрос. А их 108 человек, 108 комнат. Скажем даже 60. И эти 60 могли быть заняты теми же русскими, которые обивают теперь в Белграде пороги Красных Крестов и Земских Союзов в надежде получить разрешение и билет в Дубровник. Никто не застрахован, что приход таких же вот больших групп русских в Дубровник, единственный порт Югославии, не повторится и в будущем. Местный Комитет в страшной растерянности сейчас, ожидает, что беженцы с островов двинутся через Дубровник. И в самом деле, для комитета, интересы которого – интересы только определенного числа лиц, проживающих в данной местности – это было бы катастрофой.

Вот два соображения, многоуважаемый Сергей Николаевич, в пользу назначения вашего помощника в Далмацию, Герцеговину и Боснию.

Теперь еще третье: Далматинское побережье от Церквеницы (кажется, открывается, наконец, санатория Кр[асного] Кр[еста]) до Катарской бухты имеет следующие значительные пункты (города), в которых жизнь по своему типу такова же, как и в Дубровник, а по своей стоимости вдвое и даже втрое дешевле (бюджет беженца в Дубровнике я привел ниже): Сплет, Макарска, Меткович, Котор, Херцен-Нови, Пекарст Рيسان, и Омиш и Стон под Сплетом. Все это города не меньше по количеству жителей, чем Дубровник, и в большинстве их нет ни одного русского. Так, например, Сплет (Спалато) город старой итальянской культуры, более красиво расположенный, чем Рагуза, имеющий много двух-трехэтажных домов, наконец, бывший курорт, ныне пустующий только потому, что до-

рога от Загреба до Сплато перерезана к востоку от Фиуме итальянцами; но сообщение поддерживается морем, в Сплато – сербская власть, итальянцы так же далеко, как от Рагузы, а меж тем русских там нет. Макарска – чудеснейших городок в 2 часах езды от конечной станции ж[елезной] д[ороги] Летковиц, курорт... Да туда с полсотни можно направить разом! А эти, например, города: Котор, Пекарст, Херце-Нови, это – маленькие уголки земного рая, где пустующие стоят вилы и, где предприимчивые люди могли бы прекрасно устроиться. Я слышал, например, что здание, облюбованное Кр[асным] Кр[естом] под санаторий, берет группа беженцев (в Ехрцен-Нови) и будет устраивать там общежитие.

Гласный контингент беженцев в Дубровниках – все же больные, хотя много и людей обеспеченных, живущих на курорте, как в мирное время.

Что же сделано было для больных русских за истекшие 5 месяцев, срок более чем достаточный? Позволю себе ответить одним словом.

Ничего.

И это здесь преступно.

Допустим, что в Белград после долгих мытарств какому-либо туберкулезному больному удастся доказать, что у него в действительности туберкулез, и он получает право на въезд в Дубровник и бесплатный билет. Если у этого больного нет средств кроме 400 дин[ров] размена, скажите ему еще на месте в Белграде, что в Дубровник он поедет на верную смерть. Помощи на месте он не получит никакой.

Кр[ест] Кр[ест] до сих пор не открыл ни одного санатория для стационарных больных (санатория в Яблоницы близ Мостара на 25 кроватей закрылась) в имеющейся здесь Сербский Лазарет попасть можно только в случае, если ваш нос или цвет волос понравится старшему врачу. Один поручик в третьей стадии чахотки ²⁵на свое несчастье не понравился: носом

ручик в третьей стадии чахотки на свое несчастье не понравился: носом не вышел, старшему врачу у него вместо явного туберкулеза была обнаружена простуда. И с трудом его удалось выпроводить обратно в Белград. На моих глазах было отказано в приеме другому поручику, туберкулезному с открывшейся на руке гнойной раной. Местный Сербский лазарет – не благотворительное учреждение для русских (кажется, сейчас в нем ... 11 человек, а в термо-терапевтической лечебнице ... 4 человека) и потому старший врач вправе иметь настроение, с которым считается даже местный представитель Кр[асного] Кр[еста] генерал Леш¹⁴, не рискующий говорить со старшим врачом в тот день, когда у него нет настроения. Вот они, уродства нашей беженской жизни, и здесь, Сергей Николаевич, они больно и нудно бьют по нашему русскому самолюбию.

Помимо этих принятых 15 человек, в сербский лазарет из милости имеется здесь еще амбулатория Красного Креста для оказания помощи приходящим больным. В этой амбулатории среди двух банок с йодом и хином сидит врач за столом с печатями и бланками, и тут же суется две сестры милосердия, поджидая амбулаторных больных. Но их нет. За день забредают 3 – 4 человека, но даже и им за отсутствием медикаментов врач (д[окто]р Мыльников говорил мне сам об этом) может подать помощь только советом. Так полковнику Левченко¹⁵ за 2 недели не могли сделать перевязки гнойной раны за отсутствием перевязочных средств.

Меж тем д[окто]р получает 1.000 динаров, 2 сестры по 600 – 1.200, т.е. две тысячи динар за помощь советом. Не люди для места, а места для людей – старая русская картинка, от которой оторопь берет.

¹⁴ Леш Леонид Павлович (1861 – 28 августа 1934, Котор, Черногория) – генерал от инфантерии, участник Первой мировой войны и Белого движения на Юге России, с 1920 года в эмиграции в Сербии.

Сегодня генерал Леш сказал мне, что едет хлопотать перед комендантом об отводе здания для общежития. Сегодня – 7 ноября. Пора, пора – слава Богу, уже десятый месяц пошел. И становится обидно за нас русских – а ведь как хорошо можно было бы здесь устроить наших больных, на берегу моря, под вечно сияющим солнцем. Впрочем, и сейчас быть может, время еще не упущено. Для работы почва здесь, так сказать, девственная.

Вот Вам, Сергей Николаевич, картины помощи русским больным на местах. Невеселые картины.

Позвольте теперь обратиться к среднему бюджету беженца, живущего в Дубровник.

Вот цифры....

1. Комната без освещения и отопления...	300 крон
2. Освещение...	100 крон
3. Обед и ужин (минимум в офиц [ерской] стол[овой])...	1050 крон
(35 крон в день)
4. Прачка...	80 крон
5. Ванна (2 раза в месяц)...	30 крон
6. Парикмахер (1 раз в мес[яц] – стрижка и 4 раза в мес[яц] – бритье)...	34 кроны
7. Утренний чай (сахар, чай и молоко по интендант[ским] ценам, хлеб [– по] рыночной)...	312 крон

Итого... 1906, т.е. 476,50 ди-

нар

¹⁵ Левченко Степан Фокич (1886, Висунск, Украина – 1952) – полковник, участник Белого движения на

Табак – роскошь и в смету не входит.

Поэтому здесь больные выработали правило: не ужинать, а многие обедают 2 – 3 раза в неделю. И это на берегу моря, где всегда есть хочется вдвое.

Надо заметить, что в Макарска или Херцен-Нови жизнь дешевле, о русских беженцев там нет по соображениям выше изложенным.

Искренно уважающий Вас и готовый к услугам

Глеб Алексеев[...]

Обращает на себя внимание то, что автор определяет как «вулканически враждебные настроения», то есть постоянные вулканы конфликтов, в русских колониях, а также «подозрительность», «измельчание духовных интересов», «хулиганство среди эмигрантов», «жизнь за счет слухов». Поражение в Гражданской войне, крах веры в победу белого дела, осознание бесперспективности дальнейшей борьбы с большевиками, потеря цели в жизни приводили к необходимости найти виновного в данной ситуации. Именно взаимная враждебность, поиски внутреннего (или, используя терминологию Сталина, «ближнего») врага создавали многие трудности, резко обостряли конфликты, формировали условия для того, что, по Алексееву, есть «большевизм наоборот». На мой взгляд, мы имеем дело с манихейским сознанием¹⁶, когда самым главным считается не сплотиться для достижения определенной цели и выполнения конструктивной программы, а найти «врага» и списать на него все неудачи.

Юге России, с 1920 г. жил в городе Нови Сад (Югославия).

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Квакин А.В. Россия познает Русское Зарубежье // Новый журнал. Нью-Йорк, 1998. Кн. 211. С.155 –172.*

Когда Г.В. Алексеев сочинял эти свои письма-донесения он, скорее всего, даже не предполагал, что вскоре сам станет подобным «врагом». Ему казалось, что он честно выполнил свои обязанности: проехал определенным маршрутом, дал подробные отчеты, и, более того, выступил с конкретными рекомендациями. Правда, предложения эти были чисто бюрократические: нужен «*централизующий фактор*» в лице представителей Палеолога на местах и его ревизоров, «*облеченных особым доверием в качестве инспекторов Управления Правительственного Уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве СХС*». После этого он изложил свои впечатления во время личной беседы с С.Н. Палеологом и его заместителем С.Н. Смирновым. Ему даже сказали о «*возможности возвращения путевых издержек за время путешествия по Югославии с целью ознакомления с положением и бытом русских колоний на местах*». На основе этого обещания Г.В. Алексеев подал 15 ноября 1920 года прошение на имя Правительственного Уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве СХС с просьбой «*возврата остальных сумм*», израсходованных на поездку.

*Правительственному Уполномоченному
по устройству русских беженцев в Королевстве С.Х.С.*

*Литератора Глеба Васильевича Алексева
(временно Белград)*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

*Я только что вернулся из объезда Севера, Северо-запада и Юго-запада Югославии, одной из целей которого было личное ознакомление с положением русских беженцев на местах. О впечатлениях своих я уже до-
нёс Вашему Превосходительству рядом писем с мест.*

В настоящей докладной записке позволяю себе только суммировать и подвести к одному знаменателю те разноликие впечатления, которые частью не вошли в мои доклады с мест, частью сложились впоследствии в виде общих положений.

Русские колонии в посещенных мною местах Югославии живут раздробленно, без всякой связи с центром (помимо района, конечно) предоставленные самим себе и маленьким свои интересам. Централизация управления привела к тому, что беженцы, боясь оторваться от Белграда, не рискуют забираться далее одного дня пути, переполняя до пресыщения, до возникновения «русского вопроса» такие близко расположенные к Белграду города как Нови Сад, Земунь, Вршац, Бела Церковь, Панчево, Сумитица и самый Белград, отбрасывая только в силу этих соображений местности на севере Югославии, в Кроации, в Боснии, без особой нужды можно было бы прожить на размене. Во-вторых, та же система привела к тому, что все даже самые малейшие нужды и вопросы беженской практики разрешаются в Белграде и Белградом. Что должно, несомненно, обременять самое Управление. («В управлении получается до 300 писем в день» – из приказа правительственного уполномоченного). Помимо этого централизирующий фактор этот не только совершенно обезличил комитеты на местах, но и вырвал самонаименьший элемент доверия к ним, т.к. каждый беженец по каждому вопросу может непосредственно сноситься с Белградом и добиться желаемых, т.е. обратных мнению комитета, результатов. Отсутствие же книг на местах, определенных занятий у большинства беженцев, при наличии повышенной, чисто беженской подозрительности и измельченности духовных интересов беженцев – все чаяния и интересы на местах свело к размену и «возне» вокруг комитета. Как в Белграде для правоверного русского беженца стало своего рода службой «оттол-

каться» положенное число часов у ворот «чрезвычайки», так на местах грызня вокруг комитетов и получения размена (на местах получение размена за последнее время стало фактом, длящимся целый месяц) и продуктов оформилось в своего рода беженскую службу и оттеснило все другие интересы. Вследствие этого в случае действительного прекращения размена большинство русских окажется не только в условиях самой страшной нужды, но и неприспособленными и слишком «уставшими от размена» для того, чтобы собственными руками заработать кусок хлеба. Я не хочу сказать, что к этому привело русских только недостаточное обслуживание их нужд на местах вследствие централизации заботы о них. К этому привели их многие сложные политические и психические причины. Но отсутствие очевидной няньки, т.е. видимых забот на местах, порождая страх за свою участь, способствовало в первую очередь переполнению крупных пунктов, и во вторую – отягощению работы управления уполномоченного потоком мелких нужд и вопросов, которые легко могли бы решаться и на местах.

Одновременно отсутствие административного надзора при наличии разношерстного состава выехавших из России на эвакуацию беженцев не могло не создать представления о ненаказуемости: «нам все дозволено», «нам нечего терять», породило целый ряд проступков хулиганского характера, что, конечно, не способствовало установлению добрых отношений с местным населением. Открытие лото, пьяные дебоши, занятие мелкой спекуляцией, распродажа обмундирования и получаемых уже здесь, в Югославии, теплых вещей, неплатеж в гостиницах и ресторанах – все это факты беженской жизни сегодняшнего дня, и борьба с ними отсюда, из Белграда, невозможна.

Другим существенным злом беженской жизни как бы в противовес влечению беженцев к центру, к Белграду, является отсутствие всякой связи с ним. Во многих колониях совершенно не получают обычные приказы и распоряжения правительственного уполномоченного и военного агента. Во многих колониях эти приказы получают месяц-полтора спустя, т.к. ежемесячно ездящий за разменом обычно не считает своим долгом, да и физически не может привезти в свою колонию все копии приказов и распоряжений. Большинство колоний узнает о касающихся их распоряжениях из газеты, если она доходит, и по слухам, всегда самым фантастическим и неправдоподобным, лишь будирующим и без того нервных беженцев. Так в северных колониях до сих пор не знают об открытии вспомогательного пункта военного агента в Субботице, а о правительственном уполномоченном знают только понаслышке.

Вместе с тем и само управление уполномоченного знает о беженцах только статистические данные: имя и фамилию, получал ли добавочную ссуду и в каком размере и где живет. Данных же о жизни беженцев на местах, о быте, о занятиях, об имущественном состоянии управление не имеет. По этой причине не могут быть практически выполнены многие приказы правительственного уполномоченного (напр[имер,] предоставлении размена только действительно нуждающимся), а также и распоряжения военного агента.

Позволяю себе заметить, что подобное положение вещей в каком-либо экстраординарном случае (напр[имер,] прекращение размена) может вызвать катастрофические последствия как в среде самих беженцев, так и в области взаимоотношений с местным населением, особенно теперь ввиду новых грозно надвигающихся политических и военных событий.

Поездка в Югославию убедила меня в возможности принятия целого ряда мер, которые я и позволяю себе представить на усмотрение Вашего Превосходительства.

1) Вся территория Югославии должна быть поделена на районы, введенные ведению помощников главноуполномоченного с тем, чтобы компетенцией их власти более мелкие вопросы, не требующие санкции Правительственного Уполномоченного, решались бы на местах. Примерное деление на области может быть таково: 1) Воеводина, 2) Славония, Кроацция и Словения, 3) Босния и Герцеговина, 4) Далмация и 5) Старая Сербия.

Эта мера, создав административные центры на местах, способствовала бы улучшению положения беженцев в следующих отношениях: 1) получение размена для данных областей могло бы быть передано уполномоченному области и тем разрядило бы Белград от «представителей из провинции» и упорядочило бы самое получение размена, 2) на каждую область было бы полномочное лица, представляющее интересы беженцев перед местными властями, а также русскую административную власть, что внесло бы упорядочение в самый быт беженской жизни.

Частью мера эта уже осуществлена, и там, где имеется помощник Правительственного Уполномоченного (напр[имер,] в Старой Сербии, в Кроацции, в Воеводине) русские беженцы расселяются даже в маленьких местечках, чувствуя за собой защиту ответственного лица, а там, где помощников Правительственного Уполномоченного не имеется (в Далмации, Боснии и Герцеговине), русские беженцы предоставленные сами себе, скучиваются в крупные города, переполняя их и вызывая недовольство этим со стороны местного населения. Так, в Далмации насчитывается около 300 русских, все они живут в одном городе – Дубровнике, несмотря на то, что в других городах побережья жизнь значительно дешевле.

II) Другой неотложной мерой, которую я позволяю себе рекомендовать вниманию Вашего Превосходительства, являются особые поездки лиц, облеченных Вашим доверием, в качестве «инспекторов Управления Правительственного Уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве С.Х.С.» по местам расселения русских из колонии в колонии со следующими целями:

А) Эти поездки должны действительно дать полный и обстоятельный материал о положении, быте и условиях жизни русских беженцев, путем личного ознакомления на местах, путем устройства особых анкет на местах, т.е. тот самый материал, который не имеется в Управлении Правительственного Уполномоченного, но который необходим для представления себе всесторонне освещенной и полной картины жизни русских в Югославии и без которого Управление Правительственного Уполномоченного окажется не в состоянии найти выход в действительно грозную минуту.

В) Эти поездки должны наладить жизнь колоний на местах, устранить дефекты беженской бестолковщины, мешающие подумать о постоянном труде, затушить, наконец, огнедышащие вулканы беженской самогрызни и наладить жизнь колоний в определенное, предуказанное центром, русло. Установив, таким образом, периодическую, но постоянную связь с колониями, Управление [...] не только ознакомится с действительными нуждами беженцев, но и практически покажет последним степень заботливости о них.

С) Эти поездки должны дать Управлению Правительственного Уполномоченного точную картину условий жизни, климата, квартирного вопроса в городах и селах Югославии, как уже заселенных русскими, так еще и не заселенных, для того чтобы Управление на стереотипный вопрос

беженца «куда же поехать?» могло бы дать ему точные и полные указания.

Д.) Наконец, с этими же поездками можно связать контроль подотчетных сумм, отпускаемых комитетам и правлениям.

Позвольте перейти теперь к практическому применению указанной меры:

Для полного обслуживания колоний русских беженцев в Югославии необходимо учреждение двух должностей таких разъездных инспекторов, с таким, примерно, подразделением территории: 1) Старая Сербия и Воеводина, т.е. к югу от Белграда вправо и влево от жел[езнодорожного] пути Белград – Гевгели и к северу от Белграда – т.е. вправо (на восток) по железнодорожному пути Белград – Новый Сад. 2) Шлавания, Кроация, Словеия, Босния, Герцеговина, Далмация и Черногория, т.е. вправо и влево от жел[езнодорожного] пути Индиа – Клагенфурст и вправо и влево от жел[езнодорожного] пути Брод – Котор, и по далматинскому побережью от черногорских берегов до Церковенницы. а также крайний север.

Определение вознаграждения отношу всецело на благоусмотрение Вашего Превосходительства, но путевые расходы, судя по опыту произведенной мною поездки, не могут быть менее 2.000 динаров, даваемых под отчет. Вместе с тем необходимо снабжение названных инспекторов именными бесплатными билетами II класса с правом ездить со «шпельцугами» и по всей территории Югославии. Помимо этого необходимо небольшое вознаграждение секретарям колоний на местах за повышенную работу во время приездов инспекторов (до 10 динаров в день) по сбору анкет, и личному опросу беженцев и т.д.

*[...]Все вышеизложенное позвольте представить на усмотрение
Вашего Превосходительства.*

*Глеб Алексеев
15 Ноября 1920 года
Белград*

*Правительственному Уполномоченному по устройству русских бе-
женцев в Королевстве С.Х.С.*

*Литератора Глеба Васильевича Алексеева
(временно Белград)*

ПРОШЕНИЕ

*В личной беседе со мною Вы и С.Н. Смирнов высказались за возмож-
ность возвращения мне путевых издержек за время путешествия моего по
Югославии с целью ознакомления с положением и бытом русских колоний
на местах. За время с 20 октября с.г. по 14 ноября с.г. я объехал большин-
ство русских колоний по пути Белград – Новый Сад – Самбор – Осек, За-
греб, Сараево, Дубровник и обратно Дубровник – Сараево – Брод – Белград,
израсходовав, в общем, свыше 1.300 динаров. 13 октября с.г. я уже получил
от вас на означенную поездку 500 – динаров. В возврате остальных сумм
всецело полагаюсь на Ваше благоусмотрение, при чем считаю своим дол-
гом принести Вам благодарность за содействие и материальную под-
держку, оказанную мне, русскому литератору, в деле обследования поло-
жения русских за границей.*

*Справка: Ваше письмо на мое имя от 14 окт.[ября] за № 8280 и мои
донесения с пути.*

Глеб Алексеев

15 ноября 1920 года

Белград

Пока оформлялись казенные бумаги, душа писателя требовала поделиться увиденным с читателями, что он и сделал, опубликовав 21 ноября 1920 года в парижской газете «Общее дело»¹⁷ большую статью «Без Родины». Надо отметить, что оценки положения беженцев в Югославии и характеристики их взаимоотношений были значительно сглажены по сравнению с письмами-донесениями Палеологу. И, тем не менее, реакция на данную статью в «Общем деле» со стороны Правительственного Уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве СХС была крайне негативной. Конечно, как высокий чиновник он знал о русской эмиграции в Югославии много такого, чего не знал Г.В. Алексеев. Он был готов читать письма-отчеты последнего, обсуждать сложившуюся ситуацию во время личной беседы, но не мог позволить ему «выносить сор из избы». Об этом свидетельствует любопытный документ, подшитый отдельно в фонде Палеолога (**Box 11. Folder 11–24**). Документ не имеет подписи, но напечатан на той же специфической «вытянутой» бумаге и, судя по дефектам отдельных букв, на той же печатной машинке, что и все документы, исходящие из канцелярии Палеолога. Цель данной бумаги – *«сознать тот чад, который нагоняет статья»* Г.В. Алексеева. Практически, в этой заготовке «письма рядового эмигранта», *«никогда в газетах не писавшего»*, улавливаются те же манихейские мотивы, что и в осуждениях «врагов народа» «простыми

¹⁷ «Общее дело» – газета, издававшаяся в Париже В.Л. Бурцевым. Круг постоянных авторов, создавших «Общему делу» репутацию одного из главных печатных органов эмиграции, отличался широтой, как бы, исключая предположения о партийной пристрастности, а, значит, однобокости суждений и оценок. **Подробнее см.: Литературная энциклопедия русского Зарубежья. 1918 – 1940.** М., РОССПЭН. 2000. т. 2. с. 271 – 277.

советскими людьми» времен «диктатуры пролетариата». Единственный аргумент против Алексеева – *«Таких фактов не было, нет и быть не может»*. Если бы в Советской России 1920 года писателя осудили за «клевету на советский государственный и общественный строй», то в белой эмиграции его осудили за выступление против *«русских, всей душой любящих Родину»*.

Письмо из Белграда

Сейчас мне попался в руки номер «Общего Дела» от 21-го Ноября. В теперешнее время, в минуту несчастья, особенно хочется, чтобы всюду и везде Русская среда всеми силами старалась в себе и в Армии, продолжавшей, поредевшими рядами до последней возможности отражать врага, поддерживать дух бодрости и единения, необходимый для того, чтобы окончательно сломить большевизм.

И вот в этом номере «Общего Дела» прочел я статью, полученную из Белграда, под заглавием «Без Родины», подписанную Глебом Алексеевым, статью, заставившую меня, никогда в газетах не писавшего, взять в руки перо и ответить, чтобы сказать слово правды. Как русский, прибывший сюда в качестве беженца, хочу я сказать другим русским, живущим далеко отсюда в Париже, несомненно, исстрадавшимся и страдающим по себе подобным, по соотечественника, заброшенным в далекие страны, хочу сказать им:

«Да, конечно, удел наш тяжел и не сладка наше жизнь, но знайте, что не то происходит в Белграде, что описано в означенной статье, не верьте тому, не верьте, потому что, как ни трепала нас судьба, как ни старались подточить наши силы, мы не настолько пали духом, чтобы обратиться в то гонимое человечеством существо, которое в статье названо «Русская Избеглица», что вера у нас сохранилась, что мы еще боремся,

что мы работаем, что не сломит нас, что под этой «русской избеглицей» в «шляпе с наушниками и английском френче», надетыми на него именно теми, которые занимались и продолжают заниматься взаимной грызней, бьется Русское сердце, полное любви к Родине, – к России и к Русскому, что со стороны тех, на которых особенно много нападок в этой статье, – служащих в Правительственных учреждениях – мы видим только помощь, поддержку, что здесь в Белграде все знают, сколько сил, труда и любви было вложено лицами, стоящими во главе Правительственных учреждений, и всеми служащими в них, и как мало помалу наладилось огромное дело оказания помощи беженцам, что нет здесь розни, что нет деления на привилегированных и не привилегированных, так как каждый знает, что только в единении всех Победа.

Хочу сказать Вам, чтобы успокоить, чтобы согнать тот чад, который нагоняет статья: здесь в Белграде идет горячая, полная веры и дружная работа русских, направленная к одной цели – Славе и Величию России.

Хочу еще поговорить о другом, о том, что в статье «Без Родины» названо «Русско-Славянским Балканским альянсом», вылившимся, будто бы, при подсчете результатов, в «открытие полковниками и инженерами слесарных и сапожных мастерских». И проскальзывает в ней, что вина в этом не только наша. Как обидно и как тяжело, что русский человек, попавший в тяжелую минуту в близкую и родственную нам страну, не мог, сообщая своим соотечественникам в Париже о том, как живут их братья в Югославии и какую они встречают помощь со стороны Государства, их принявшего, найти ничего другого как «комиссионные магазины» и «сапожное ремесло». А между тем, какое богатое поприще здесь можно найти для создания благодарности Государству молодому, еще не окрепшему от войны, и, тем не менее, открывшему, даже в ущерб иногда соб-

ственному населению, так широко и гостеприимно свои двери, чтобы принять русских братьев, накормить, отогреть их, дать им отдохнуть от перенесенных ужасов.

Грешно говорить о ночевке в конюшне и обеде два раза в неделю, грешно также пускать громкие слова о том, что служащие в учреждениях «смотрят на беженцев как на своих злейших врагов». Таких фактов не было, нет и быть не может. И в Белграде это знают. Я хочу, чтобы знали и в Париже. Не смущайтесь же сведениями вроде приведенных в статье «Без Родины». Знайте, парижские соотечественники, что жизнь наша в Югославии не такова. Много есть сторон тяжелых, от многого надо отрешиться, но, благодаря взаимной поддержке, широкой помощи местного Правительства и сочувствию всех классов населения, здесь не существует того «русского избеглища», который описан в статье «Без Родины». Здесь существуют лишь русские, всей душой любящие Родину и по мере сил старающиеся содействовать Ее возрождению и в этой своей работе встречающие со стороны молодого Государства, куда забросила их судьба, со стороны сынов его поголовно знающих, что такое истинная Россия, и что она сделала для Сербии, – великую поддержку и мощную опору.

Белград. 28-го Ноября 1920.

Началась травля литератора со стороны официальных лиц русской эмиграции в Югославии. Жизнь в эмиграции для Г.В. Алексева стала после этого совершенно невыносимой. Ему опять приходится делать выбор между «красными» и «белыми». Через год с небольшим после его поездки по Югославии и реакции на статью в «Общем деле» писатель возвращается на Родину. Он пытается в своих литературных произведениях осмыслить опыт братоубийственных событий периода Гражданской войны в России. Одновременно Г.В. Алексеев пытается «вписаться» в требуемую тогда

большевиками производственную тему. При всей искренности попытки адаптироваться теперь уже к советским порядкам, он снова невольно пишет о том, что было колющей глаза правительственных чиновников правдой. Так, в фонде Глеба Васильевича Алексеева Отдела рукописей Института мировой литературы имени М. Горького РАН (ф. 154, оп. 1. ед. хр. 9) содержится машинопись очерка «Инженеры "Красного мая" (О делах и людях соревнования)» 1929 года с правкой и рукописными вставками автора на 7 листах. В патетическом тексте о свершениях рабочих завода неожиданно диссонансом звучит абзац о «спецеестве» теми же рабочими инженеров:

«Стекольный завод «Красный Май» за последние четыре года сменил пять технических руководителей, и инженерная такая чехарда заставила хромать на обе ноги крупнейший в Московской области стекольный завод. [...] Трудно было понять: – кто же, в конце концов, виноват в инженерной этой чехарде? Инженеры ли, предпочитавшие по часам размеренную, охраной труда опекаемую работу в трестах и синдикатах переменчивой судьбе инженера-производственника, или рабочие «Красного Мая», для которых – по выражению одного инженера – «спецеество стало своего рода спортом»? Но так повелось, что больше восьми месяцев технорук на заводе не задерживался, а из этих восьми месяцев первые четыре уходили на изучение производства, а четыре вторые на подыскание нового места службы»¹⁸.

Сатирические картины советской действительности были даны Глебом Алексеевым в повестях («Жилой дол», 1926, «Шуба», 1928) и романе («Тень стоящего впереди», 1928). В 1933 году он завершает большой роман

об индустриализации в СССР «Роза ветров». В 1938 году писатель покончил жизнь самоубийством.

Для большевистских правителей, как и для антибольшевистских властителей, мечущийся интеллигент был «чужим», а тот, «кто не с нами, тот против нас».

Материал написан при содействии Фонда Фулбрайта, предоставившего возможность для 8-месячной стажировки в Стэнфордском университете США.

Автор благодарит руководство и сотрудников Архива Гуверского института войны, мира и революции за активную поддержку научной работы с документами.

**©Андрей Квакин, подготовка к публикации, составление,
вступительная статья и комментарии. 5 июня 2001 г.**

© Документы – Гуверский институт войны, революции и мира, 2001.

¹⁸ Отдел рукописей Института мировой литературы имени М. Горького РАН. Алексеев Глеб Васильевич. Ф. 154. оп. 1. ед. хр. 9 л. 1.